

КУКУШКА КАК ПЕРСОНАЖ СКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

Д. Н. Музраева

Аннотация: В статье автор дает анализ образа кукушки как персонажа устных и письменных образцов сказочного фольклора, мифологии, древних религиозных верований, эпоса и литературы народов Центральной Азии.

Ключевые слова: кукушка, устные и письменные источники, сказочный фольклор, религиозные верования, мифология, эпос, литература.

Образ кукушки принадлежит к числу универсальных образов фольклора, народных верований и литературы, которые оказываются в той или иной степени маркированы особыми представлениями и смыслами. Прежде всего, как известно, в фольклоре и литературе разных народов утвердилось представление о кукушке как о птице, которая отказывается от выполнения своего родительского предназначения: она не высиживает яйца, а подбрасывает их в другие гнезда. В силу этого у многих народов распространено негативное отношение к этой птице. Своим нестандартным поведением, образующим противоположность тому, что в мире животных и людей считается нормой, кукушка не могла не привлечь к себе особое внимание со стороны людей. Эти особенности поведения птицы нашли отражение в сказочном фольклоре и мифах разных народов Европы и Азии. В силу яркости, неоднозначности образа кукушки, которая при более близком и пристальном внимании оказывается трактуемым не столь однозначно негативно, он не мог не привлекать внимание со сторо-

Музраева Деляш Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

ны исследователей — фольклористов, литературоведов, этнографов.

Наше внимание этот образ привлек во время работы над изучением и переводом известного в буддийском мире сочинения под названием «Повесть о Лунной кукушке» (Повесть о Лунной кукушке, 2004). Некоторые сведения об отношении к этой птице у народов Юго Восточной, Центральной Азии, а также основные моменты трактовки этого образа в письменной традиции этих стран были представлены автором в предыдущих публикациях (Музраева, 2002). Очень подробный анализ системы представлений о кукушке у славянских народов и отражения их в фольклорной традиции был дан А. В. Никитиной (Никитина, 2002). На материале фольклора народов Центральной Азии и Сибири и на материале литератур народов Центральной Азии эта тема почти не разрабатывалась.

Как говорят орнитологи, из 130 разновидностей кукушек лишь чуть

более трети видов соответствует тому устоявшемуся представлению о кукушке, которое известно нам по устной традиции — тому, что кукушки не строят гнезд и не насиживают яйца (Птицы Советского союза, 1951; Жизнь животных, 1970). Всем остальным разновидностям присущи те же повадки, поведение, что и у большинства птиц. Очевидно, в формировании образа кукушки в фольклоре и смыкающейся с ним области народных знаний и представлений сыграли роль те виды кукушек, поведение

которых отличается от поведения других птиц, и кукушка — нарушитель социального изоморфизма, системного сходства, положительно оцениваемого семейного уклада животных и людей, заняла особое место в системе персонажей группы мифологических этиологических рассказов и определенного типа сказочных сюжетов.

Исследователи единодушно отмечают, что птицы, в целом, как отдельный класс животных играют весьма важную роль в мифологиях всех народов мира. Это неизменно прослеживается в трудах, основанных на материале мифов и сказок народов Востока.

В работе по турецкой мифологии И. В. Стеблева выделяет следующие наблюдения о функциях птиц в мифологических представлениях: «Будучи одним из элементов религиозно-мифологической системы и ритуала, птицы обладают самыми разнообразными функциями: они могут быть божествами, тотемными предками, культурными героями, демиургами, ездовыми животными богов, шаманов, героев, превращенными людьми. Они являются особыми мифопоэтическими классификаторами и символами божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, связи между космическими зонами, свободы, роста, жизни плодородия, изобилия, подъема, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, души, духа жизни. На Мировом древе — символе трехчленности мирового пространства, распределенного по вертикали, птицы находятся на его вершине, являясь принадлежностью верхнего, небесного мира, и в таком качестве они противопоставлены существам нижнего, подземного, мира, прежде всего змее. Птицей Мирового древа в каждой конкретной мифологической традиции выступает наиболее «царственная» птица, часто орел, иногда обобщенный образ большой, «главной» птицы. Это могут быть не только реально существующие виды птиц, как, например, Каракуш (Каракош, Каракус) — степной орел, беркут у ряда тюркских народов Поволжья и Средней Азии, но и фантастические птицы, представления о которых распространены на Ближнем и Среднем Востоке (Иванов, Топоров, 1982: 346–349): уже упомянутые нами птицы Семиург из Иранской мифологии, Анка, Зумруд из арабской мифологии (туркменское название Замыр, турецкое — Зумранка)» (Стеблева, 2002: 31). Дополнением к представленному материалу могут послужить сведения об образе кукушки в фольклоре тюркских народов (Юлдыбаева, 2012). К нашей большой досаде, в энциклопедии «Мифы народов мира» отдельной статьи о кукушке нет.

Образ кукушки широко представлен в сказках народов Центральной

Азии и Сибири, которые в принципе могли бы демонстрировать связь этого персонажа с материалами монгольского литературного памятника «Повесть о Лунной кукушке». Однако, как показывает анализ материала, кукушка как персонаж сказок о животных или животного эпоса и как действующая фигура волшебных сказок в фольклоре этих регионов имеет весьма различные функции, очевидно, даже не сводимые в сходные группы или генеалогические цепочки, где можно было бы выделить исходные архетипические сюжеты и мотивы и их позднейшие преобразования. Тем не менее, нам хотелось бы собрать и рассмотреть сказки о кукушке у народов Центральной Азии и Сибири.

Так, среди бурятских сказок и поверий встречаются характерные версии и варианты сюжета о том, как кукушка перестала вить себе гнездо. По одной из версий, включенной в сборник, составленный М. Н. Хангаловым в соавторстве с Н. О. Затопляевым, кукушка (хехе шубун) была прежде распутной женщиной, которую в наказание Бог обратил в птицу кукушку (Хангалов, Затопляев, 1893: 124).

Другая версия из цикла сказок о животных повествует о следующем. В давние времена животные, птицы и люди имели по одному праздничному дню в году. В этот день никто не должен был работать. Кукушка же, опоздав с прилетом, начала вить себе гнездо именно в такой день. Увидевший это с высоты неба Эсэгэ Малан Тэнгэри несказанно рассердился и с помощью трости в восемьдесят сажений разорил гнездо кукушки. При этом он сказал, что отныне она останется без гнезда (Бурятские народные сказки, 1976: 393).

В бурятской сказке «Наказанная жадность»¹ три кукушки играют роль вестников, которые сообщают герою — батраку, что именно он должен отыскать и что должен сделать, чтобы стать богатым. В эвенкийской сказке о кукушке обсуждается проблема выбора судьбы птицы, что для нее важнее — голос или забота о потомстве: этиологическая концовка данной сказки объясняет крик кукушки как плач о потерянных ею детях.

В индийской сказке «Сказка о ленивой кукушке» пение кукушки также является ее достоинством: поддавшись на лесть, кукушка прилетает в гнездо коршуна, который убивает и съедает ее.

В калмыцкой сказке «Добрый Овше» кукушка с ее пением вставлена в общую природную картину мира: «Бьют-кипят ключи, кричат олени-маралухи, цветы распускаются. Зеленъ лугов разливається, кукуют тонко-голосые кукушки, колышет ветер деревья сандаловые, что ветвей своих

поднять не в силах. Кричат ястребы и беркуты, кустарники меж собой переплетаются, зеленая мурава стоит грядой. Тянется синий дымок, голубь воркует, дерево-лиственница красою становится. Природа и люди рады...» Применительно к этому тексту мы можем лишь отметить появление кукушки как персонафицированного героя второго плана.

В тувинской сказке «Почему птицы не говорят» (Тувинские народные сказки, 1988: 98–100) кукушка претендует на роль царя птиц. Приведем этот текст полностью:

Это еще тогда было, когда птицы человеческий язык понимали.

Жил на горе Дарбайты орел. Однажды сидел он голодный на вершине горы и высматривал, не покажется ли из норки сурок — тарбаган. Ждал-ждал, разморился на солнце да и уснул. Проснулся орел от шума крыльев. Большой серый ястреб схватил тарбагана и на ближайшей сопке стал его клевать.

Возмущился орел, подлетел к ястребу и чуть не задавил его.

Не испугался ястреб и говорит:

— Чего ты, орел, взъерошился? Если хочешь кусок получить, то проси, да повежливей.

— Не нужно мне твое угощение! — ответил надменно орел, а сам жадных глаз с тарбагана не сводит. — Просто хочу посмотреть, как ты такого дохлого тарбагана будешь есть.

Засмеялся ястреб:

— Зачем же ты тогда сам целый день караулил тарбагана, коли он дохлый!

Отвечает орел сердито:

— На тарбагана я не смотрел. Одним глазом я высматривал косулю, а другим — зайца. Тебе в жизни их мяса не попробовать. Ешь своего тарбагана, пока он не протух.

Сильно поссорились между собой орел и ястреб. Такой шум подняли, что все птицы слетелись и решили птичьего хана избрать, чтобы он споры разбирал.

Загалдели, зашумели птицы. Всем хотелось стать ханом.

Выступил вперед орел и говорит:

— Я должен быть вашим ханом. Выше меня никто в поднебесье не

залетает.

— Не нужно нам такого хана, — хором возразили птицы. — Гордость у тебя большая, потому и живешь один на неприступных скалах. Не согласны!

Тогда выбралась вперед летучая мышь и сказала:

— Я хочу быть ханом. Крылья у меня не из перьев, как у вас, а из кожи. Уши мои слышат далеко. Взъерошилась серая кукушка:

— Не может быть летучая мышь ханом. Нам говорит, что она птица, а зверям говорит, что зверь. Да еще всю ночь летает, нам спать не дает. То ли дело я, кукушка. От моего пения вся земля весной в зеленый убор наряжается. Лучше меня хана не найти вам.

Замахали крыльями большие и малые птицы:

— Не бывать кукушке нашим ханом. Она своих птенцов не высиживает.

Разгорелся тут великий спор, каждая птица предлагала себя в ханы.

Долго шумело птичье сборище. А на верхушке высокого кедра сидел старый ворон-волшебник.

Слушал, слушал он птичьи споры и сказал:

— Раз не можете договориться, то совсем не будет говорить! Каждый хочет быть ханом...

Как сказал ворон-волшебник, так и случилось — разучились птицы говорить.

В этой сказке кукушка с ее пением, приближающим весну и повествующим о ней, выступает претендентом на роль хана птиц, однако ей птицы в этом отказывают, возмущаясь тем, что она не высиживает птенцов. В этой сказке акцентируется наиболее характерное свойство кукушки, за что она несет скрытое наказание недоверием других птиц.

В тофаларской сказке «Совет зверей» кукушка становится царем зверей без видимых на то причин. Вот текст этой сказки:

Однажды Бурхан собрал на совет всех зверей, и порешили звери на этом совете избрать себе царя. Предложили сове стать царем. Однако оказалось, что у нее глаза хотя и очень большие, но днем не видят. Поэтому не сделали звери сову своим царем.

Не сделали звери царем и зайца — решили: слишком труслив он. Не

согласился стать царем и лось:

— Меня преследует волк, значит он сильнее меня. Тогда предложили медведю. Медведь сказал:

— Братцы, как же вы меня назначите царем, когда я, выискивая себе корм, даже на этот совет опоздал.

— Ах, так! — сказали звери. — Ты опоздал! Мы тебя за это накажем. Будешь ты в наказание шесть месяцев в году сидеть в заточении под землей.

И сделали звери царем кукушку.

Оригинальное решение имеет тема претензий кукушки на царствование в мире птиц в тибетской сказке «Кукушка и голубь»:

Как-то раз неизвестно почему между кукушкой и голубем возник спор. Разгорался он все сильнее и сильнее. Они перебивали друг друга, никто не хотел уступить.

— Я царь птиц! — кричала кукушка.

— Нет, царем должен быть я! — утверждал голубь.

— Почему это именно ты должен быть царем птиц?

— А почему ты должна быть им? Спорили, спорили, чуть не подрались, но ни к чему не пришли. В самый разгар спора подлетели к ним орел, ворона, сорока, горlinka, канарейка, воробей и иволга. Они хотели помирить кукушку с голубем, но, как ни упрашивали их прекратить спор, ничего не могли добиться. В конце концов, птицы придумали, как окончить спор: кто первый из них увидит восход солнца, тот и будет царем. Кукушка и голубь согласились, а птицы обещали быть свидетелями.

Задолго до рассвета прилетели кукушка и голубь на место соревнования — в горную долину. Там было еще темно, и лишь за вершиной восточной горы чуть брезжил рассвет. Птицы-свидетели прилетели вслед за спорщиками. Осталось ждать восхода солнца. Кукушка и голубь волновались. Кукушка повернулась к вершине восточной горы и ждала восхода. А умный голубь повернулся к вершине западной горы, потому что солнечные лучи на эту вершину упадут раньше. Кукушка понимала, что ей трудно тягаться с умным голубем. Поэтому она принесла под крылышком красный молотый перец, решив, что бросит его в голубя, как только он откроет рот.

На востоке посветлело. Вот-вот осветят лучи солнца вершину за-

падной горы. А кукушка так волновалась, что ей было не до солнца. Она смотрела на голубя и придвигалась к нему. Голубь увидел солнечные лучи, и в этот же миг кукушка бросила ему в глаза перец. Голубь прикрыл их крыльями, но поздно. Перец попал в глаза, голубь застонал и закружился от боли. А кукушка облегченно вздохнула и гордо закричала:

— Солнце взошло! Солнце поднялось! Я раньше увидела его!

Все услышали ее крик и подлетели с поздравлениями. Так птицы признали кукушку своим царем. С тех пор кукушка никогда не летает низко и всегда садится на верхушки деревьев. Всюду, куда она прилетает, птицы уступают ей место как своему царю.

А глаза у голубя с тех пор всегда красные и ночью ничего не видят. Не веришь — проверь.

В этой сказке кукушка как претендент на царствование имеет успех, но вместе с тем данная тибетская сказка оказывается совершенно независимой от тех сказок, которые зафиксированы у тувинцев и тофаларов, соответственно, источники всех трех текстов выглядят различными.

В одной из сказок, записанных Эрикой Таубе у алтайских тувинцев, золотая кукушка, услаждающая слух пением, является одним из предметов трудной задачи получения, задаваемой герою (Сказки и предания алтайских тувинцев, 1994: 198). В комментарии к балладе «Балджын хээр» эта же исследовательница упоминает монгольскую сказку, героиней которой Намжил, подобный кукушке, зачаровывает пением хозяина озера и в него влюбляется дочь хозяина озера (там же: 361).

В ненецкой сказке, содержание которой рассмотрено Ю. Янхуненом (Янхунен, 1992), конфликт кукушки со своими детьми имеет двустороннюю направленность: сначала дети не желают помочь больной матери, мать превращается в птицу — в кукушку и улетает, от этого становится плохо всем — данная этиологическая концовка выразительна сама по себе, но еще более выразительно то, что по сюжету сказки кукушка некогда была женщиной и принадлежала к роду человеческому. Очень похожее содержание имеет кетский мифологический рассказ о кукушке, которая в прошлом, в отличие от героини ненецкой сказки, когда-то была заботливой матерью. Следует заметить, что ненецкая, кетская и эвенкийская сказки присутствуют в едином компактном ареале на Енисейском севере.

Хантыйская сказка о кукушке (Мифы ... , 1990: 75–76, текст № 16), представляет собой этиологический рассказ о том, почему кукушка не высиживает птенцов. Тема конфликта матери-кукушки с детьми в этой

версии решена необычно — кукушка улетает от детей, которые все же соглашаются дать ей воды — и с осложнением содержания, и с типичной для сюжета этиологической концовкой.

Мансийская версия сказки о кукушке (Мифы, сказки, предания манси, 2005: 259–261, текст № 30) близка к хантыйской, но она не имеет концовки, интерпретирующей крик кукушки.

В якутской сказке «Карах-симирики» в кукушку превращается родная дочь злой мачехи, обижавшей падчерицу, падчерица же вознаграждена медведем за свою доброту.

Сюжет нанайской сказки «Кукушкино богатство» строится на поверье нанайцев, согласно которому если убить и съесть кукушку, то счастье само будет идти в руки человеку — один из трех братьев, самый ленивый, так и поступает, но его удача оказывается временной: мораль сказки — лучше один соболю, своими руками пойманный, чем все кукушкино богатство! — А ведь, правда, это, пожалуй!

В нанайской сказке «Три брата» кукушки оказываются спутниками героев: «Незнакомый молодец, бейся со мной, дней и ночей не считай. Когда мы вдвоем будем биться, на твоей стороне на железном столбе будет кричать железная кукушка, на моей стороне на гранитном столбе будет кричать гранитная кукушка. Которая из кукушек устанет, тот из нас будет побежден». Здесь кукушка, как мы можем догадываться, выполняет роль некоего перевоплощения героя, носителя некоторой части его жизненной энергии, хотя в близкой форме аналогичные представления в системе религиозных представлений нанайцев и других народов Приамурья не отмечены. Можно также думать, что таким образом кукушки персонажируются как сверхъестественные помощники сказочных героев.

Из числа мотивов, связанных с кукушкой и отмеченных в указателе мотивов С. Томпсона, привлекают внимание следующие:

- 1) Кукушка преобразованный пекарь (Thompson, 1955: A1993.1.);
- 2) Кукушка освобождает других птиц от их жестокого короля: они соглашаются высидеть яйца кукушки (литовские легенды) (там же: A2229.5.);
- 3) В День Возвещения кукушка строит гнездо: остается без гнезда (там же: A2231.3.1.);
- 4) Кукушка заимствует пищу от других птиц (там же: A2241.4.);

5) Сын случайно убивает отца, который возвращается к жизни как кукушка и говорит людям, когда посеять зерно (из устных рассказов Индии) (там же: А2275.6.);

6) Почему кукушка летит с трудностью, и поет с расправленными крыльями (там же: А2442.2.2.).

В этом списке мотивов можно указать как минимум на три мотива, которые можно считать архетипическими. Во-первых, это мотив «кукушка и король птиц», трактовка которой весьма мягко с этической точки зрения объясняет, почему птенцов кукушки высидивают другие птицы: кукушка либо избавила птиц от жестокого царя, либо сама была царем, как в тибетской сказке. Во-вторых, это превращение человека в кукушку и дальнейшие активные действия человека в облике кукушки. В-третьих, это этиологические мотивы, связанные со строительством гнезда, полетом и пением кукушки. Показательно, что мотив превращения человека в кукушку присутствует в Индии, откуда, очевидно, и имеет место его проникновение в литературы и фольклор народов Центральной Азии.

В каталоге сюжетов и мотивов Ю. Е. Березкина, наиболее полном на сегодняшний день, с кукушкой связаны две группы мотивов — «Кукушке не дали воды» (В71) и «У кукушки разные ноги» (В72) (см.: Березкин, 2014: Электр. ресурс). Любопытно, что отмеченные нами мотивы во второй из названных групп переплетаются, и разные лапы кукушки объясняются то как следствие того, что кукушка была царевной, то как следствие ее страданий от обид.

Исходя из выявленного материала, можно сделать вывод о том, что представления о кукушке у народов Центральной Азии и Сибири оказываются достаточно дисперсными. Этот образ включается в самые разнообразные сюжеты, причем эти сюжеты иногда у весьма близких по культуре и языку народов могут разительно противоречить друг другу, как мы видим это в тувинской и тофаларской сказках.

Образ кукушки как царя птиц в сказках народов Южной Сибири не вполне понятен исходя из чисто фольклорных аналогий. Однако он обнаруживает неожиданные аналогии в древней религии тибетцев — бон. Как писал о религии бон Б. И. Кузнецов, тибетцы поклонялись небу, земле, солнцу, луне и звездам. Мир представлялся им населенным множеством богов, добрых и злых духов, одним из которых они приносили дарственные жертвы, других пытались подавлять с помощью заклинаний (Кузнецов, 1998: 298). В традиции бон кукушка играет очень важную роль. Прежде

всего, это священная птица, поскольку считается, что творец бона Учитель (тиб. ston-pa) Шенраб Мибо (тиб. *gshen-rab mi-bo*) спустился на землю с небес в облике птицы кукушки (Samten Gyaltzen Karma, 1988: 43). В бонских текстах «интеллект, знание» (тиб. *rig pa*) сравнивают с кукушкой. О ней пишется следующее: «Кукушка — царь птиц, она прилетает в период между зимой и летом. Когда ее пение набирает силу, становится наиболее отчетливым, возвещая приход весны, это радует все живые существа. Таким же образом, если проповедуется учение, то это доставляет наслаждение просветленному уму» (там же: 44–45). И, видимо, не случайно кукушка в конце концов становится в тибетской сказке царем птиц. Существенно и то, что медиативные функции кукушки как представителя класса птиц реализуются не в пространственных сферах, как это можно ожидать от птицы как летающего животного, а во временной — календарной сфере.

Как отмечал известный тувинский писатель, собиратель и исследователь шаманского фольклора М. Б. Кенин-Лопсан, трудно понять и оценить смысл и значение тех или иных шаманских обрядов, не имея полного представления об атрибутах и вещественной стороне ритуалов. Многие аспекты мировоззрения и мифологии нашли свое воплощение в «реквизите» шамана: его одеянии, головном уборе, бубне, многочисленных идолах-ээрнях и т. д. Причем, такие шаманские атрибуты, как изображения духов-покровителей и духов-помощников у разных народов Сибири обладали значительным своеобразием (Кенин-Лопсан, 1987: 11, 15).

Идолы-ээрени воспринимались какместилища духов и сами духи. Кенин-Лопсан дает классификацию шаманских атрибутов, выделяя при этом личные ээрени шаманов, их необходимые атрибуты и ээрени, изготовлявшиеся шаманами для нужд соплеменников. У каждого шамана в юрте перед его атрибутами должен был быть белый занавес, на лицевой стороне которого висел ээрень шаман (хам ээрэн) (там же: 68).

Чтобы обладать приятным голосом и создавать красивые мелодии, шаману необходимо было иметь помощника кукушку, вырезанного из дерева (хек ээрэн). Ээрень кукушка олицетворял собой высший класс пения и композиции. Этот ээрень прикреплялся к верхней части белого занавеса. Песни, слагавшиеся шаманами о своем «помощнике» кукушке, свидетельствуют о важности и значимости его в обрядовой практике шаманов. Приведем здесь одну из них (записанную от Саая Самбу):

*«Моя серая птичка кукушка с золотой головкой, оо-оой,
Славишь ты своим голосом высокие горы, оо-оой,*

*Моя серая кукушка, золотая кукушка, oo-ooй,
Звучит твоя песенка в каждом лесу, oo-ooй,
Певунья моя, серая кукушка, oo-ooй,
Твой голос милее талисмана, oo-ooй,
Твой смех звенит, oo-ooй,
Твой клич зовет, oo-ooй,
Всю ночь ты поешь на горе, у реки, oo-ooй,
Твой напев над холмами звучит, oo-ooй,
Нежная и добрая, oo-ooй,
Как мила ты мне, серая кукушка, oo-ooй» (там же: 70).*

Эти строки отражают убеждения шаманов в том, что их духи-помощники владеют универсальной способностью понимания и воспроизведения речи любого человека, голосов птиц и зверей, а также бесед духов.

В дополнение к сказанному отметим, что у тувинских шаманов существовало несколько основных форм камлания (от тюркского кам — «шаман»)². Элементы шаманского камлания составляли своеобразный сценарий обряда. Так, к примеру, после определенных приготовлений шаман под звуки бубна кричал то кукушкой, то вороном, что являлось как бы сигналом к началу камлания. Оно обязательно включало в себя поэтический диалог между шаманом и его идолами. Считалось, что без стихов, посвященных эреням, шаман не в состоянии раскрыть замысел злого духа, понять причину болезни и судьбу больного, т. е. совершить то, ради чего тувинцы прибегали к его помощи (там же: 23, 107).

Алтайский героический эпос «Маадай-Кара» также содержит интересные сведения о кукушке. Исследователи отмечают, что на ранней стадии своего развития алтайский эпический жанр основывался на мифологии, отличной от мифологии шаманизма (Efremova, 1999: 23). Традиционная образная система алтайского эпоса в целом перекликается с образами тюркского и монгольского эпосов. Очень важным для алтайцев был образ Матери-Природы и патристическое представление своей родной земли. Ключевым образом было Священное дерево, символизировавшее собой центр вселенной и связующую нить между тремя мирами — земным, высшим и низшим. Под ним совершались священные действия. Герои засыпали под ним, чтобы увидеть пророческие сны. Это дерево имело свои неперенные атрибуты. Так, на верхушке кроны сидели две

золотые кукушки, на одной из средних веток восседали два золотых орла, а у корней — две огромные собаки (там же: 23). Здесь несколько странно, что роль медиаторов-посредников в общении между крайними мирами отводится орлам, а кукушки однозначно принадлежат Верхнему миру. Парность образов животных и их расположение в возвышенных сферах наводит на мысли о том, что в трактовке этих образов реализуются буддийские представления: напрашиваются для сравнения фигуры двух ланей, изображаемые на фасадах буддийских храмов.

Таким образом, материал, представленный устными и письменными образцами мифологических представлений, древних религиозных верований, фольклора, эпоса и литературы народов Центральной Азии и Сибири, содержит разнообразные сведения о кукушке. Вероятно, кукушка изначально оказывалась персонажем, присутствовавшим в разных сюжетах, где она имела различные роли. Негативное отношение к кукушке, встречающееся в некоторых бурятских сказках и поверьях, имеет, на наш взгляд, связь с хорошо известным мировым сказочным сюжетом о превращении человека в животное в наказание за пороки. В фольклорных рассказах о кукушке обычно таким образом наказывается женщина, плохо относящаяся к своим детям. В сказочном фольклоре и литературных произведениях монголоязычных народов мотив превращения человека в кукушку имеет оригинальное решение — в 4-й главе повествования («Повесть о Лунной кукушке») в кукушку превращается индийский принц. Очевидно, что данный мотив связан с темой царя птиц, присутствующей в религиозных представлениях тибетцев и в фольклоре тюркских народов Южной Сибири. Вполне возможно, что часть сказочных сюжетов народов Южной Сибири при дальнейшем изучении данной проблемы обнаружит свои истоки в средневековой литературе народов, принявших и исповедующих буддизм.

Список литературы:

Басангова, Т. Г., Бурыкин, А. А. (2010) К разработке электронных ресурсов для фольклористики создание и опыт использования электронной библиотеки сказок народов мира // Информационные технологии и письменное наследие. E1Manuscript-10. Материалы Международной научной конференций. Уфа, 28–31 октября 2010 г. Уфа, Ижевск. С. 32–35.

Березкин, Ю. Е. (2014) Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс] // RUthenia. Объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 25.04.2014).

Бурятские народные сказки (1976). Волшебные-фантастические и о животных / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров. Под общей ред. Е.В. Баранниковой. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во.

Жизнь животных (1970) : в 6 т. М. : Просвещение. Т. 5.

Иванов, В. В., Топоров, В. Н. (1982) Птицы // Мифы народов мира : в 2 т. М. : Современник. Т. II.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск : Наука.

Кузнецов, Б. И. (1998) Древний Иран и Тибет. (История религии бон). СПб. : Евразия.

Мифы, предания, сказки хантов и манси (1990). М. : Наука.

Мифы, сказки, предания манси (2005). Новосибирск : Наука.

Музраева, Д. Н. (2002) Образ кукушки в устной и письменной традиции народов Центральной Азии // Алтаика-6. М. : ИЯ РАН.

Никитина, А. В. (2002) Кукушка в славянском фольклоре. СПб. : Филологический факультет СПбГУ.

Повесть о Лунной кукушке (2004). Монгольская версия. Факсимиле ксилографа / предисловие, транслит., пер., комм., глосс. и прилож. Д. Н. Музраевой. Элиста : АПП «Джангар».

Птицы Советского Союза (1951) / под ред. Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова. Т. 1. М. : Советская наука.

Сказки и предания алтайских тувинцев (1994) / сост. Э. Таубе. М. : Восточная литература.

Стеблева, И. В. (2002) Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. М. : Вост. лит-ра.

Тувинские народные сказки (1988) / пересказ и лит. обр. для детей М. Хадаханэ. М. : Детская литература.

Хангалов, М., Затопляев, Н. (1893) Бурятские сказки и поверья // Записки Вост.-Сиб. Отдела Русского географического общества по отделению этнографии. Иркутск : Тип. К. И. Витковской. Т. 1. Вып. 1.

Юлдыбаева, Г. В. (2012) Образ кукушки в фольклоре тюркских народов // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Н. Ф. Катанова: материалы Межд. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения учёного (г. Абакан, 16–19 мая 2012 г.). Т. II. Абакан: Хакас. кн. изд-во. С. 137–140.

Янхунен, Ю. (1992) Мать-кукушка. К проблеме происхождения ненецкой сказки // Фольклор и этнография народов Севера. Межвузовский сборник научных трудов. СПб. С. 36–43.

Efremova, M. (1999) The “Maadai-Kara” Epic — Its Background and Its New Features // P.I.A.C. Newsletter. Bloomington, no. 26.

Samten Gyaltzen Karmay (1988). The Great Perfection (rDzog chen). A Philosophical and Meditative Teaching in Tibetan Buddhism. Leiden; New York; Copenhagen; Koln.

Thompson, St. (1955) Motif-index of Folk-literature: a Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval romances, Exempla, Fabliaux, Jest-books and Local Legends. Vol 1. Bloomington.

Дата поступления: 13.05.2014 г.

Примечания:

¹Здесь и далее все упоминаемые в работе сказки извлечены из ресурсов Интернета — они имеются на сайте www.skazka.province.org и других сайтах, посвященных сказке как фольклорному жанру. В настоящее время большая часть этих материалов доступна в оффлайновых собраниях исследователей-сказковедов (Басангова, Бурыкин, 2010).

² Данный термин используется в этнографической литературе для обозначения основной формы культовой деятельности шамана.

CUCKOO BIRD AS THE CHARACTER OF FAIRY TALE FOLKLORE OF CENTRAL ASIAN PEOPLES: THE PROBLEM OF INTERRELATION OF FOLKLORE GENRES AND LITERARY TEXTS

D. N. Muzraeva

Abstract: Author presents the analysis of cuckoo bird as the character of oral and written examples of fairytale folklore, mythology, ancient religious beliefs, epos and literature of Central Asian peoples.

Keywords: cuckoo bird, oral and written sources, fairy-tale folklore, religious beliefs, mythology, epos, literature.